

ОГНЕННЫЙ ДРАКОН, ИЛИ КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ И ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ

Маленькая беленькая принцесса всегда просыпалась в маленькой белой кроватке, как только жемчужно-серым утром за окном начинали перекликаться скворцы. Она босиком взбегала по изношенным ступенькам в башенку и стояла там, на самом верху, в своей белой ночной рубашке, посылая воздушные поцелуи солнцу, лесу, спящему городу, и говорила:

— Доброе утро, прекрасный мир!

Потом принцесса спускалась вниз по холодным каменным ступеням, надевала короткую юбку, чепчик, передник и бралась за дневную работу. Она подметала комнаты и готовила завтрак, мыла посуду и скребла сковородки, и всё это она проделывала потому, что была настоящей принцессой. Ведь из всех, кто должен был ей служить, осталась верной только старая няня, которая жила вместе с ней в башне, сколько принцесса себя помнила. Теперь няня была старой и слабой, и принцесса больше не позволяла ей работать, а выполняла все домашние дела сама, пока няня сидела и шила. Это была настоящая принцесса, с кожей белой, как молоко, с льняными волосами и золотым сердцем.

Звали принцессу Сабринетта, а её бабушку — Сабрина. Бабушка вышла замуж за Святого Георгия, после того как тот убил дракона. Вся страна по праву принадлежала принцессе: леса, простиравшиеся до самых гор; долины, спускавшиеся к морю; прекрасные поля, засеянные кукурузой и рожью; оливковые рощи и виноградники. А ещё принцесса была хозяйкой маленького города, в

котором стояли дома с башнями-турретами, крутыми крышами и странными окнами. Город этот угнездился в низине между бурным, с водоворотом, морем и белыми от снега горами, становившимися розоватыми на восходе.

Когда умерли отец и мать принцессы, оставив её кузена заботиться о королевстве, пока их дочь не подрастёт, он — а это был очень злой принц, — забрал у неё всё, и все люди присоединились к нему. Так что теперь из всего, что принадлежало Сабринетте, у неё осталась только добрая няня и недоступная для драконов башня, которую построил её дед, Святой Георгий. Вот почему Сабринетта оказалась первой из всех жителей страны, кто увидел проблеск чуда.

Рано-рано утром, пока жители города крепко спали, она взбежала по ступенькам на башню и окинула взглядом поля. Вдоль их края тянулись поросшая папоротником канава и колючая живая изгородь из кустов шиповника, а дальше начинался лес. Стоя на башне, Сабринетта заметила, что изгородь из кустов шиповника трясётся и прогибается, а потом что-то очень яркое и сияющее

прорвалось сквозь неё, скакнуло в поросшую папоротником канаву и вернулось обратно. Показалось это нечто всего на миг, но принцесса сумела довольно отчётливо всё разглядеть и сказала самой себе:

— Надо же, какое интересное создание, такое яркое и сверкающее! Если бы оно было покрупнее и если бы я не знала, что сказочных чудовищ уже давным-давно нет на свете, то подумала бы, что это дракон.

Эта штуковина действительно напоминала дракона, но была мелковата, скорее, она сошла бы за ящерицу, правда, в таком случае казалась крупноватой. Она была длиной с коврик перед камином.

— Почему она так быстро убежала обратно в лес? — встревожилась Сабринетта. — Конечно, моя башня недоступна драконам, и я нахожусь в безопасности, но если это был дракон, то он достаточно велик, чтобы есть людей, а сегодня — первый день мая, и дети пойдут в лес за цветами.

Когда Сабринетта покончила с домашней работой, не оставив ни соринки, ни пылинки нигде,

даже в самом укромном уголке винтовой лестницы, она надела молочно-белое шёлковое платье, расшитое лунного цвета ромашками, и снова поднялась на верх башни.

— Надеюсь, это был не дракон, — сказала Сабринетта.

Дети вышли в поля по двое, по трое, десятками и двадцатками. Их красные, голубые, жёлтые и белые платьица рассеялись по зелёному простору.

— Это как шёлковое покрывало, расшитое цветами, — с улыбкой сказала принцесса.

Потом дети по двое, по трое, десятками и двадцатками скрылись в лесу, и покрывало-поле стало снова чисто-зелёным.

— Всю вышивку спороли, — вздохнула принцесса.

Солнце светило, небеса голубели, поля были зелены, и цветы горели на них яркими точками, потому что это был Майский день.

Вдруг на солнце напоззло облако, а тишину нарушили раздавшиеся вдалеке крики. Из леса убежали дети и с визгом раскатились по полю красно-сине-жёлто-белой волной. Их голоса донеслись до принцессы на башне, и она расслышала слова, нанизанные на их крики, как бусины на острую иглу:

— Дракон, дракон, дракон! Откройте ворота! Дракон идёт! Огненный дракон!

Малышня пронеслась через поле, забежала в ворота, и принцесса услышала, как с грохотом захлопнулись железные створки. Дети скрылись из вида. Тем временем на другой стороне поля что-то

очень большое, ослепительно-яркое и ужасное с хрустом проломилось через колючие кусты изгороди, потоптало папоротник в канаве, после чего опять скрылось под пологом леса.

Принцесса спустилась вниз и рассказала обо всём няне. Няня тут же заперла огромную дверь башни и положила ключ в карман.

— Пускай сами о себе позаботятся, — сказала она, когда принцесса стала просить, чтобы её отпустили помогать присматривать за детьми. — Моё дело — заботиться о вас, моя драгоценная, и я намерена сделать это. Хотя я и стара, но ключ в замке повернуть могу.

Сабринетта снова поднялась на верх башни, но стоило ей подумать о детях и огненном драконе, как она заплакала. Ведь она, конечно, знала, что городские ворота не устоят перед этим чудовищем, и дракон сможет войти в них, когда пожелает.

Дети побежали прямо во дворец. Принц в это время щёлкал охотничьим кнутом на псарне, и малыши рассказали ему о случившемся.

— Мы отлично позабавимся! — обрадовался принц и приказал выпустить свою свору

гиппопотамов. У него в обычае было выходить на крупную охоту с гиппопотами. Люди не особенно возражали бы, но он шествовал со своей тьявкяющей и скачущей сворой через весь город, и зеленщик, имевший лавку на рынке, всегда сокрушался по этому поводу; а продавец посуды, который раскладывал свой товар на тротуаре, нёс страшные убытки всякий раз, как у принца возникало желание покрасоваться и прошвыр-

нуться по улицам в сопровождении стаи отборных гиппопотамов.

Принц выехал из города на слоне, за его спиной резво трусила свора. Люди попрятались по домам, как только слышали голоса бегемотов и рёв охотничьих рогов. Орава протиснулась сквозь городские ворота и направилась добывать дракона. Те немногие из вас, кто не видел стадо гиппопотамов на полном скаку, едва ли будут способны

представить себе, на что была похожа эта охота. Начать с того, что гиппопотамы не лают, как собаки: они хрюкают, как свиньи, и хрюканье у них очень громкое и свирепое. И разумеется, никто не ждёт от них умения перескакивать препятствия. Они просто проламываются сквозь изгороди и идут сквозь посеvy кукурузы, топча и сминая их, чем наносят значительный ущерб урожаю, вызывая сильную досаду у фермеров. Каждый гиппопотам имел ошейник с именем и адресом, но, когда обиженные фермеры обращались во дворец с жалобами на потраву посевов, принц всегда отвечал: «Поделом вам, нечего устраивать посеvy на дороге у людей», — и никогда не выплачивал компенсаций.

Так что теперь, когда принц вышел на охоту со своей сворой гиппопотамов, некоторые люди пробормотали себе под нос: «Вот бы дракон съел его», — что, без сомнения, не делало им чести, но всё-таки это был очень неприятный принц.

Охотники промчалась по полю и пустоши, обшарили весь лес, но никаких следов не обнаружили. Дракон притих и не показывался.

Только принц начал думать, что никакого дракона тут вовсе нет, как его любимый старый бегемот подал голос. Принц протрубил в рог и крикнул:

— Ату его! Вперёд! Вскачь! — и вся свора пустилась бежать вниз к лощине у леса. Потому что именно там, у всех на виду стоял дракон, огромный, как баржа, пылающий, как кузнечный горн, изрыгающий огонь и обнажающий зубы.

— Конец охоте! — только и успел крикнуть принц.

Действительно, конец наступил очень быстро. Дракон, вместо того чтобы вести себя, как положено добыче, и удирать от преследования, бросился на свору гиппопотамов, и принц, восседавший на слоне, обмер при виде того, как его отборные бегемоты, один за другим, в мгновение ока исчезают в пасти дракона, на которого они охотились. Дракон заглотил всех бегемотов, как собака ловит налету брошенные ей куски мяса. Это было шокирующее зрелище. От целой своры, которая ещё совсем недавно так весело выдвинулась в путь под звуки рога, теперь не осталось даже игрушечного

гиппопотамчика, а дракон жадно озирался во круг, проверяя, не упустил ли кого-нибудь.

Принц соскользнул со слона с другой стороны от дракона и кинулся в самую чащу леса. Он надеялся, что дракон не сможет пробиться сквозь заросли, потому что кусты там росли очень густо. Несчастный перемещался наименее пристойным для принца образом — на четвереньках и наконец, найдя дерево с большим дуплом, забился в него. В лесу было очень тихо — ни хруст ветвей, ни запах дыма не тревожили принца. Он осушил серебряную флягу, которая болталась у него на плече, и вытянул ноги внутри дупла. О печальной участи своих ручных гиппопотамов он не пролил ни слезинки, а ведь они ели у него с ладони и столько лет верно служили ему, загоня добычу. Потому что он был ненастоящий принц, с кожей, как старый ремень, волосами, как щетина на щётке для выметания золы из очага, и с каменным сердцем. Он не заплакал, а вместо этого просто уснул.

Когда принц пробудился, было темно. Он выбрался из дупла и протёр глаза. Вокруг него стоял

чёрный лес, но неподалёку на поляне горел красный огонь. Это был сложенный из хвороста костерок. Рядом с ним сидел какой-то оборванец с длинными соломенного цвета волосами, а вокруг лежали какие-то спящие туши, которые тяжело дышали.

— Ты кто? — спросил принц.

— Я Элфин, свинопас, — ответил оборванец. —
А ты кто?

— Я — Надоеда, принц, — представился тот.

— Что ты делаешь за пределами дворца среди ночи? — сурово спросил свинопас.

— Я охотился, — объяснил принц.

Свинопас засмеялся:

— А-а, так это тебя я видел? Отличная охота, верно? Мы со свиньями залюбовались.

Спящие туши хмыкнули и захрюкали. Тут принц понял, что это свиньи: он опознал их по манерам.

— Если бы ты знал столько, сколько знаю я, то мог бы спасти свою свору.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Надоеда.

— Дракона, — ответил Элфин. — Ты вышел не вовремя. На дракона нужно охотиться ночью.

— Нет уж, спасибо, — сказал принц, и его пере-
дёрнуло. — Охота при свете дня мне больше под-
ходит, глупый ты свинопас.

— Ну что ж, — вздохнул Элфин, — поступай
как знаешь, дракон придёт и отловит тебя утром,
это точно. А мне до этого дела нет, глупый ты
принц.

— Ты очень груб, — обиделся Надоеда.

— Ничуть, — возразил Элфин, — только прав-
див.

— Ну, тогда скажи мне правду. Что это такое,
что, если бы я знал, то не потерял бы своих гиппо-
потамов?

— Ты не слишком хорошо говоришь по-англий-
ски, — заметил Элфин. — Но это ладно. Что ты
дашь мне, если я тебе расскажу?

— Если ты расскажешь мне что? — уточнил
принц Надоеда.

— То, что ты хочешь знать.

— Я ничего не хочу знать! — взъерепенился
принц.

— Тогда ты ещё глупее, чем я думал, — спо-
койно сказал Элфин. — Ты не хочешь узнать, как

справиться с драконом, прежде чем он справится с тобой?

— Может, и так, — промямлил Принц.

— Знаешь, у меня и всегда-то не много терпения, — начал горячиться Элфин, — а сейчас, могу тебя заверить, его почти совсем не осталось. Что ты дашь мне, если я тебе расскажу?

— Половину моего королевства, — пообещал принц, — и руку моей кузины в придачу.

— Договорились, — сказал свинопас. — Так вот! По ночам дракон становится маленьким! Он спит под корнями вот этого дерева. Я использую его для разжигания огня.

И действительно, под деревом, в гнезде из подпалённого мха лежал дракон, величиной он был с палец.

— Как мне убить его? — спросил Принц.

— Я не знаю, удастся ли тебе убить его, — засомневался Элфин. — Но ты можешь унести дракона куда подальше, если у тебя есть с собой что-нибудь такое, во что его можно положить. Вот эта твоя фляга подойдёт.

Вдвоём им удалось, подпихивая сонного дракончика палочками и слегка обжигая пальцы,

заставить его вползти в серебряную охотничью флягу, после чего принц плотно закрутил крышку.

— Ну вот, мы его изловили, — сказал Элфин. — Давай теперь отнесём его домой и залепим горлышко печатью Соломона. Тогда дракон будет надёжно замурован. Пойдём, а завтра поделим королевство, и тогда у меня появятся деньги, чтобы купить красивую одежду и ухаживать за принцессой.

Но когда коварный принц давал обещания, то делал это вовсе не для того, чтобы их выполнять.

— Идти с тобой! О чём это ты? — нагло сказал он. — Я нашёл дракона и пленил его. Я ничего не говорил ни про королевство, ни про ухаживания. Если ты заявишь, будто я обещал такое, я мигом отрублю тебе голову.

— Хорошо, — ответил Элфин, пожимая плечами. — Мне всё равно лучше, чем тебе.

— Что ты такое говоришь? — прошипел принц.

— А то, что у тебя есть всего лишь королевство (и дракон), а у меня — чистая совесть (и семь десятков да ещё пяток чёрных свинок).

Тут Элфин снова сел у огня, а принц отправился домой. Он оповестил Парламент о том, как

мудро и храбро поступил, и хотя он специально разбудил парламентариев, чтобы всё это рассказать, они не рассердились на него (зная, что случается с людьми, которыми недоволен принц), а ответили:

— Вы действительно очень умны и храбры.

Затем премьер-министр торжественно залепил горлышко бутылки печатью Соломона, и её поместили в сокровищницу, а это было самое прочное здание во всём городе, построенное из твёрдой меди, со стенами толстыми, как мост Ватерлоо.

Бутылку поместили среди мешков с золотом, и младшему секретарю младшего клерка последнего хранителя сокровищницы поручили сторожить её всю ночь и следить, не случится ли чего. Младший секретарь никогда не видел дракона, более того, не верил он и во встречу принца с драконом. Принц никогда не был правдивым, так что принести домой пустую флягу и наболтать всем, что внутри неё — дракон, это было вполне в его духе. А потому младший секретарь не возражал, чтобы его оставили одного. Ему дали ключи и, когда все в городе улеглись обратно в свои постели, он впустил в сокровищницу ещё несколько младших

секретарей из других департаментов Правительства, и они стали весело играть «в прятки» среди мешков с золотом и «в камешки», используя бриллианты, рубины и жемчуг из больших сундуков, отделанных слоновой костью.

Молодые люди здорово развлекались, но медная сокровищница постепенно разогревалась, и вдруг младший секретарь закричал:

— Взгляните на бутылку!

Фляга, залепленная печатью Соломона, раздулась и стала в три раза больше своего обычного размера, к тому же, казалось, раскалилась докрасна. Воздух всё нагревался и нагревался, а бутылка становилась всё больше и больше. Все младшие секретари сошлись на том, что тут слишком жарко и совсем невозможно находиться. Они поспешили выйти, толкая друг друга. А как только последний из них покинул помещение и запер за собой дверь, фляга лопнула, и оттуда вылез дракон, огненный и раздувавшийся с каждой минутой. Он начал пожирать мешки с золотом, хрустеть жемчугами, бриллиантами и рубинами, как будто это были куски сахара.